

С. Э. Овчинникова

**«ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ СЁВА»
И ЕГО РОЛЬ В СОЗДАНИИ ПРОЕКТА
«ВЕЛИКОЙ ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОЙ
СФЕРЫ СОПРОЦВЕТЕНИЯ», 1933–1940 годы**

К началу 1930-х годов Япония была бурно развивающимся государством, претендующим на статус великой державы и проводящим весьма агрессивную внешнюю политику в своем регионе, однако при этом не имела какой-либо единой четко сформулированной концепции, которая отражала бы ее внешнеполитические цели и задачи и служила бы своего рода «знаменем» дальнейшей экспансии. Отчасти это объясняется тем, что до конца 1920-х годов в Японии не существовало академической школы международных отношений, и наиболее близкой из существовавших дисциплиной была история дипломатии [1, р. 4–6]. Впервые курс, называвшийся «международная политика», в Японии начали читать в 1927 г. в университете Васэда [1, р. 6]. Однако отсутствие школы как таковой не означало, что среди японских мыслителей не было тех, кого беспокоили судьбы нации и проблемы построения и развития отношений с другими государствами, как соседями по региону, так и с крупными западными державами. Напротив, именно в 1910–1920-е годы на волне активизации Японии на мировой арене многие авторы — журналисты, ученые и общественные деятели — стали уделять больше внимания вопросам внутренней и внешней политики и разнообразным проектам преобразования в самых разных сферах общественной, экономической и политической жизни. Надо отметить, что подавляющее большинство этих авторов находились в той или иной мере под влиянием разнообразных западных социально-политических теорий, как правого, так и левого толка. Более того, весьма популярны были идеи социализма и марксизма, и на определенном этапе их приверженцами оказывались даже те, кого принято считать «правыми» — об этом пойдет речь ниже.

Так или иначе, отсутствие некоего «общего знаменателя» в том, что касалось основных направлений японской внешней политики, было весьма заметно и привлекало внимание не только ученых, но и тех, кто был непосредственно вовлечен в политический процесс. Здесь необходимо отметить, что вопрос о том, как формируются идеологические концепции и принимаются политические решения, остается весьма интересным, но далеко не самым простым для изучения, какую бы страну мы ни рассматривали. Япония не только не исключение из этого правила, но, более того, его яркий пример. Структура правящих органов в Японии с давних времен отличалась запутанностью, осложняющей понимание происходящих в государственном аппарате процессов, и к 30-м годам XX в. в определенном смысле ситуация мало изменилась. Кроме того, в японском обществе всегда существовало несколько линий

Овчинникова Святослава Эдуардовна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: svedovchinnikova@mail.ru

© С. Э. Овчинникова, 2013

напряжения, сохранявшихся на протяжении веков и продолжавших влиять на политические процессы: пожалуй, наиболее яркими примерами здесь можно считать конфликт придворной аристократии и военного сословия, возникший еще в конце эпохи Хэйан (794–1185), или оппозицию между фудай-даймё и тоздама-даймё¹. Надо заметить, что старый конфликт между военным сословием и аристократией продолжался до интересующего нас периода. Так, сохранились свидетельства того, что император Хирохито не пользовался авторитетом у военных, и, например, генералы Квантунской армии игнорировали его приказы и всячески высмеивали его ученый вид и некоторую болезненность [2, с. 240]. На протяжении всей «Великой Восточно-азиатской войны»² противостояние между правительством и военными кругами было заметно — и оказало отнюдь не благоприятное влияние на эффективность действий Японии в целом.

Если говорить о довоенном периоде, то и политиков, и военных затронули бродившие в обществе реформаторские настроения. Проявлением их стала, с одной стороны, череда попыток военных переворотов и, с другой — появление неофициальных и полуофициальных дискуссионных клубов и «обществ изучения», к которым как раз можно отнести и «Сёва кэнкюкай» (昭和研究会, «Общество изучения Сёва»³, в дальнейшем также «ОИС»).

«Общество изучения Сёва» — один из редких примеров того, что разработки исследовательского центра могут действительно быть использованы при формулировании внешней политики государства. Данный «научный кружок» был сформирован в 1933 г.⁴ при Токийском Императорском университете при активном участии принца Коноэ Фумимаро, будущего премьер-министра Японии. В его состав вошли ученые, мыслители и общественные деятели самой разной направленности, в том числе и представители левых кругов.

«Сёва кэнкюкай» было местом, где ученые, журналисты и другие интеллектуалы могли взаимодействовать с представителями властных кругов, и потому общественные деятели, естественно, стремились проявить себя наилучшим образом.

У истоков «ОИС» стояли Коноэ Фумимаро и Гото Рюноскэ⁵, принимавшие активное участие в общественной и политической жизни страны, а также Рояма Масамити, выдающийся японский ученый-политолог, уже в 1933 г. участвовавший в создании проекта данного объединения; пять лет спустя к ним присоединился ряд других видных политических и общественных деятелей, ученых и публицистов, в числе которых были

¹ Термином *фудай-даймё* обозначались те *даймё* (князья), которые в 1600 г. встали на сторону Токугава Иэясу; они получили ряд серьезных преимуществ перед *тоздама-даймё* («посторонними даймё»), сражавшимися против установления власти Токугава как сёгуна.

² Название, принятое в японской историографии для обозначения военных действий на тихоокеанском театре, начиная с Малайской операции (8 декабря 1941 г.).

³ Сёва — девиз годов правления императора Хирохито (1926–1989).

⁴ Принято считать, что «ОИС» было создано в 1936 г., однако уже в 1933 г. оно существовало как небольшой дискуссионный клуб, пока что не имеющий официального статуса.

⁵ Гото Рюноскэ (1888–1984) — политический деятель. С Коноэ был знаком со старшей школы. Участвовал в деятельности «Сэйнэндан», позже был председателем «Ассоциации поддержки императорской власти», пришедшей на смену «Обществу изучения Сёва».

Сасса Хиро⁶, Гото Фумио⁷, Арита Хатио⁸, Рю Синтаро⁹, Одзаки Хоцуми¹⁰ и Мики Киёси, которых объединяло стремление произвести политические и экономические преобразования в стране с целью укрепления суверенитета и при помощи продвижения националистических идей. По мнению М. Флетчера [3, с. 157], в силу идей, которым, в частности, уделяли особое внимание Рояма, Рю и Мики (неизбежность надвигающейся войны, консолидация общества, ведущее положение Японии в Азии), их можно считать фактически проводниками фашизма в Японии.

В тот период существовала масса дискуссионных клубов и прочих объединений такого рода, например, «Группа Молодых» (青年団, «Сэйнэндан»), «Лига за Новую Японию» (新日本同盟, «Син Нихон домэй»), «Общество изучения образования» (教育研究会, «Кёйку кэнкю кай»), члены которых придерживались самых разных взглядов. Многие из их участников позже вошли в состав «Сёва кэнкюкай», привнося свои идеи. Одной из тем, которые планировалось обсуждать в «ОИС» (наряду с вопросами перераспределения ресурсов и создания «нового порядка» в Азии), было воспитание морали у государственных служащих, что было и одной из основных задач «Общества изучения образования».

Первое заседание «Сёва кэнкюкай» прошло в октябре 1933 г., а к декабрю были названы 15 членов-основателей «Общества», среди которых были ученые-политологи, специалисты по сельскому хозяйству, банкиры, журналисты «Асахи симбун» и несколько представителей «Сякай Тайсюто», партии, придерживавшейся умеренно левого курса. Однако к 1936 г., когда «ОИС» обрело официальный статус, среди «учредителей» и руководителей «Общества» социалистов уже не осталось [3, с. 161].

Фактически на первом, неофициальном этапе своего существования «Сёва кэнкюкай» было небольшим частным дискуссионным клубом, где обсуждались в основном вопросы внешней политики. Однако постепенно количество участников росло, и к 1936 г. «Общество» превратилось в солидную организацию, имевшую разветвленную структуру и более или менее официальные источники финансирования. Если раньше его поддерживали частные лица, то теперь обеспечивать финансовую поддержку «ОИС» стали три ведущих дзайбацу — Мицуи, Мицубиси и Сумитомо [3, с. 176]. Очевидно, изменения в структуре «Сёва кэнкюкай» можно связать с военным переворотом 1936 г., оказавшим в силу своей масштабности значительное влияние на все сферы общественно-политической жизни Японии.

Пик активности «ОИС» пришелся на 1938–1940 гг., когда заседания различных подразделений общества проходили наиболее регулярно, и материалы этих заседаний исправно публиковались; наиболее оживленные дискуссии были посвящены событи-

⁶ Сасса Хиро (1897–1948) — политолог, журналист, член верхней палаты парламента. Активно участвовал в создании «Сёва дзюку», образовательного подразделения «ОИС».

⁷ Гото Фумио (1884–1980) — политик, был членом верхней палаты парламента дважды, до и после войны, некоторое время занимал пост премьер-министра, кроме того, занимал еще несколько министерских постов в 1930-х годах. Был председателем «Ассоциации поддержки императорской власти».

⁸ Арита Хатио (1884–1965) — дипломат и политик. Участвовал в Версальской конференции (1919), трижды занимал пост министра иностранных дел. Считается одним из авторов концепции «ВВАСС».

⁹ Рю Синтаро (1900–1967) — журналист, редактор «Асахи симбун». Входил в ближайший круг Коноэ. В 1940–1943 гг. был специальным корреспондентом в Европе. Активно содействовал заключению мира с США.

¹⁰ Одзаки Хоцуми (1901–1944) — журналист, коммунист. Сотрудничал с Рихардом Зорге. Входил в ближайший круг Коноэ. Был казнен в 1944 г. по обвинению в шпионаже в пользу СССР.

ям в Китае и вопросам урегулирования проблем, возникающих в связи с попытками полноценно включить Китай в «сферу процветания». Помимо этого, обсуждались такие темы, как философские и идеологические основания новой Японии и «нового порядка», перспективы развития Восточной Азии, новые тенденции в международных отношениях, проблемы экономического развития и сотрудничества внутри «сферы», а также принципы ее построения [4].

Итак, кто же принимал активное участие в деятельности «Сёва кэнкюкай»?

Основатель и идейный вдохновитель «Общества», принц Коноэ Фумимаро (1891–1945) — яркий представитель старой аристократии и одновременно либерально настроенных интеллектуалов, весьма неоднозначная личность. Он происходил из древнего аристократического рода и при этом с юных лет был ориентирован на активное участие в политической жизни страны; членом парламента он стал еще в студенческие годы. Современники отмечали, что Коноэ обладал особым шармом аристократа, подкрепленным отсутствием всякой заносчивости [3, с. 167]. Здесь необходимо отметить, что значительная часть видных политических деятелей того времени, во-первых, не принадлежала к старым придворным фамилиям и, во-вторых, доходила до вершин карьерной лестницы через службу в министерствах, а не через парламент. Огромное влияние на формирование Канозэ как политика оказал Сайондзи Киммоти, видный деятель реставрации Мэйдзи, обладавший огромным авторитетом в правящих кругах Японии, отличавшийся прозападными либеральными взглядами и имевший тесные связи с крупнейшими концернами «Мицуи» и «Сумитомо». Однако, в отличие от своего наставника, Коноэ уже в самом начале своей политической карьеры высказывал идеи, схожие с теми, что позже легли в основу концепции «сферы процветания», а именно — недоверие к крупным западным державам, союзникам по Антанте, и стремление изменить, перекроить сложившуюся мировую систему [5, с. 1]. Уже в первом своем труде, эссе «Отказ от мира с англо-американской ориентацией», Коноэ отвергал общечеловеческие ценности в их англо-американском понимании, каковое не совпадало с их, например, японским видением, подчеркивая важность национальных интересов. Можно сказать, что уже здесь проглядывает идея регионализма, выдвигавшаяся в противовес универсализму Лиги Наций [5, с. 2].

К 1930-м годам принц Коноэ стал весьма заметной личностью на политической арене, и один тот факт, что он был автором идеи некоего сообщества, привлекал внимание к зарождающемуся «ОИС» [3, с. 167]. Более того, некоторый идеализм, ему свойственный, создавал особую творческую атмосферу в «ОИС». Если говорить о политической карьере Коноэ Фумимаро, то необходимо отметить, что с 1930 г. он стал спикером Верхней палаты — и при этом не только не свернул, но и расширил свою общественную деятельность. После переворота 15 мая 1930 г. и убийства премьер-министра Инукай его политические взгляды несколько изменились. По совету Сайондзи Коноэ перестал афишировать связи с националистическими и военными группировками, высказывавшимися за необходимость большой войны. Однако он не стеснялся выражать свое возросшее недовольство действиями западных стран на Дальнем Востоке. В частности, в 1934 г. он писал о том, что современный мир управляется Лигой Наций, созданной «имущими государствами». Япония, пребывая в заблуждении относительно природы и целей данной организации, изначально присоединилась к системе, поддерживающей существующий миропорядок, однако теперь вступила в союз с Германией и Италией, «неимущими государствами», чтобы создать «новый порядок»,

произведя передел ресурсов [3, с. 168]. Именно определение основополагающих черт этого порядка и поиск способов его установить и стал главной задачей «ОИС».

Неизвестно, насколько были сильны частные, неофициальные связи Коноэ с «ОИС». Передав руководство Гото Рюноскэ, он перестал посещать заседания, однако, возможно, это было вызвано нежеланием, чтобы кто-то подумал, будто он формирует свой личный «кабинет министров» — распространению данного мнения мог поспособствовать тот факт, что большинство первых участников «общества» были знакомыми Коноэ, хотя с расширением «ОИС» в нем появилось много тех, кто лично с ним никогда не общался. Несмотря на то что особого полицейского надзора за «ОИС» не было, все-таки можно сказать, что членов в каком-то смысле отбирали по сословному принципу, отдавая предпочтение отпрыскам благородных семей. Известно, однако, что Рояма и Гото продолжали поддерживать с Коноэ неофициальную, не слишком афишируемую связь [3, с. 169].

Еще одним из основателей и ключевых членов «Сёва кэнкюкай» был Рояма Масамити (1895–1980), видный японский ученый-политолог. Его карьера общественного деятеля началась уже в 1918 г., когда он основал студенческое общество «Синдзинкай» («Общество новых людей»), первое среди подобных объединений, целью которого было обсуждение возможностей экономической и социальной реорганизации Японии. На фоне своих коллег по клубу, бывших «не реформаторами, но капризными эстетам», Рояма выглядел наиболее серьезным деятелем, пусть даже занимался исключительно созданием проектов политических преобразований [3, с. 28]. Интересно отметить, что в начале своей исследовательской деятельности Рояма придерживался левых взглядов, поскольку мог считаться последователем ряда английских политологов-теоретиков, таких как А. Пенти, А. Орэдждж и Дж. Коул [3, с. 32], основоположников течения «Guild Socialism» («гильдийский социализм» или «социалистическая гильдия») [6, с. 236–237]. На основе их идей он предлагал проекты преобразования японского общества, противопоставляя идею «гильдий» индивидуализму, который, по его мнению, не служил должным образом развитию государства. Интересно отметить, что при этом, с определенными оговорками, теорию социалистических гильдий можно связать и с отдельными характерными чертами фашистской идеологии — в частности с корпоративизмом.

Работая в рамках «Сёва кэнкюкай», Рояма предлагал концепцию «Восточно-Азиатской ассоциации» («Тоа кёдотай», 東亜協同体). Окончательный вариант данного проекта был предложен им в работе 1941 г. «Восточная Азия и мир: к вопросу о Новом порядке», которая основана на идеях, высказанных в трех других его работах: «Теория Восточно-Азиатской ассоциации» (1938), «Формирование национальных организаций сотрудничества» (1939) и «Обзор нового порядка в мире» (1939) [7, с. 1].

Согласно рассуждениям Рояма, «пробуждение Востока» в контексте мировой истории невозможно, пока мировая культура приравнивается к западноевропейской. Лига Наций, являясь продуктом оной, была создана западными государствами на основе идей государственного суверенитета и права наций на самоопределение, но государства Восточной Азии воспринимались ими как потенциальные колонии, и потому им отказывали в равном статусе. Однако в странах Восточной Азии к моменту ее создания уже пошла волна подъема национального самосознания, а также усилилось соперничество между Японией и Китаем [7, с. 1–2].

Что же касается практической реализации проектов объединения Восточной Азии, то основными препятствиями на пути создания в Азии единого сообщества под

эгидой Японии Рояма предлагал считать межнациональные конфликты в самом регионе и противодействие западного колониализма. Колониализм же возник в результате развития националистических идей на Западе, которые поспособствовали формированию новых империй, подчинивших себе ряд восточноазиатских стран как экономически, так и политически [7, с. 2].

Среди внутривнутриполитических причин продвижения Японии на материк Рояма выделял такие, как соображения национальной безопасности, развитие экономики и промышленности. А для успешного объединения, по его мнению, необходимо было преодолеть местный национализм посредством распространения японского национализма на материк. Цели Японии здесь, в отличие от западных империалистических держав, он обозначал как региональное развитие и безопасность. Согласно Рояма, планироваться должно было не создание колониальной системы, а, в противовес ей, объединение всех народов и совместное управление. Западный империализм, по его словам, подразумевает завоевание, подчинение и использование миграционных процессов и, следовательно, развивается экспансивно. Система империализма держится на расовом неравенстве, и потому не может рассматриваться в рамках концепции «общей судьбы» региона. Более того, как утверждал Рояма, она и не может пойти по этому пути в силу того, что метрополии очень удалены от колоний. Япония же находится ближе и разделяет культурные особенности и судьбу региона. Проекты Японии напоминают аналогичные планы и доктрины, созданные в Германии, Италии и США, однако японский вариант, опять-таки, по словам Рояма, основан на опыте взаимодействия с материком, что его выгодно от них отличает [7, с. 2].

Что же касается общей системы «Восточно-Азиатской ассоциации», Рояма подчеркивал необходимость стремления к объединению и в политической, и в экономической, и в культурной сферах. При этом он отмечал, что экономика подобной региональной общности никогда не уподобится экономике империи, а культура Восточной Азии характеризуется многообразием и многослойностью, в силу чего требуются дополнительные «созидательные» усилия для того, чтобы объединение стало возможным. По мнению Рояма, именно подобные региональные ассоциации должны были стать основой нового миропорядка [7, с. 3].

Еще один участник «Сёва кэнкюкай», заслуживающий внимания, — Мики Киёси (1897–1945), философ и общественный деятель, которого причисляют к последователям экзистенциализма и марксизма. В отечественной историографии Мики традиционно считается мыслителем левого толка, однако при более разностороннем анализе можно прийти к выводу, что его идеи не столь однозначно могут быть отнесены к «околомарксистским».

Мики можно считать в чем-то противоречивым мыслителем. С одной стороны, он осуждал германский национализм (который окрестил «гитлеризмом», подчеркивая его отличие от «нормального», «здорового» национализма) за «варварские, бессмысленные, позорные культурные репрессии» [8, с. 69]. Здесь надо отметить, что Мики Киёси провел несколько лет в Германии, изучая европейскую философию, и имел возможность наблюдать разруху, предшествовавшую установлению национал-социалистического режима. С другой стороны, ряд его идей можно было охарактеризовать как профашистские. Более или менее однозначно можно сказать, что Мики придерживался гуманистических взглядов, будучи — в том, что касалось вопросов пересмотра политического устройства Восточной Азии — однозначно идеалистом.

В состав «ОИС» Мики вошел в 1938 г. [3, с. 192]. Его пригласили в группу культурных исследований, поскольку он как раз интересовался вопросами идеологии (и потому что он был лично знаком с некоторыми важными участниками «Общества»). Этот его интерес был порожден началом военных действий в Китае. Мики был уверен, что война не может продолжаться вечно, следовательно, настанет момент, когда возникнет необходимость воздействовать на Китай силой не оружия, а идей [3, с. 192]. Создание идеологической базы, которая могла бы послужить основой создания гармоничного общества в Восточной Азии, он как раз и считал очень важной задачей, в решении которой интеллектуалам следовало бы «проявив активность, принять деятельное участие»¹¹ [3, с. 193]. При этом Мики говорил о «создании» как таковом, поскольку, по его мнению, человеческий разум мог порождать новые социальные и политические формы, опираясь на силу воображения [9, с. 6–7]. В своих исследованиях в рамках «Сёва кэнкюкай» он подчеркивал такую особенность японской культуры, как способность перенимать и усваивать чужеродные элементы, не теряя при этом своей уникальности, что позволяло рассматривать ее как идеальную базу для создания некоей новой культурной формы для Восточной Азии, которая, подобно эллинизму, смогла бы объединить страны региона [3, с. 195]. Мики также говорил о том, что для восточных обществ более характерна «общинность» в противовес европейскому «корпоративизму»; идеальное «Восточно-Азиатское сообщество», согласно его рассуждениям, должно было быть основано на идеях конфуцианского «гуманизма», предполагающего взаимопомощь и отказ от свойственного Западу индивидуализма [3, с. 197]. В его высказываниях о необходимости полного подчинения личности нуждам народа (и достижения, таким образом, полной творческой свободы) можно было бы вслед за Флетчером увидеть влияние идей фашизма [3, с. 197–198], однако представляется важным отметить тот факт, что Мики не призывал к агрессии, даже если и в какой-то мере оправдывал агрессивные действия японского правительства.

Камикава Хикомацу (1889–1988), один из пионеров изучения современной международной политики и, фактически, основатель научной школы международных отношений в Японии, не принадлежал к числу основных членов «ОИС», хоть и был преподавателем Токийского Императорского университета с 1923 г. [10, р. 7]. Тем не менее, поскольку его работы создавались в интересующий нас отрезок времени и затрагивали те же вопросы, которые привлекали особое внимание «Общества», а высказываемые им идеи перекликаются с теми, что звучали в исследованиях членов «Общества», представляется тем более интересным рассмотреть его идеи в рамках данной статьи.

Изначально Камикава поддерживал идею необходимости Лиги Наций, однако со временем сместил акценты с универсалистских идей на регионалистские [1, р. 9]. По мнению Кавата, Камикава можно было считать последователем распространенных в 1920-е годы среди ученых-политологов идеалистических идей [11, р. 192], однако данную точку зрения оспаривает Харуна [1, р. 19–20], демонстрируя, что в своих работах тот признавал существующее в Лиге Наций неравенство неизбежным и необходимым.

Если говорить об идеях, созвучных концепции «сферы процветания», Камикава предлагал проект «Восточно-Азиатской Лиги» («Тоа рэнмэй» 東亞連盟概論). Согласно его рассуждениям, «Восточно-Азиатская Лига» («ВАЛ») ни в коей мере не могла яв-

¹¹ Интересно отметить, что слово 積極的, «активный, деятельный», на английский переводят зачастую как «агрессивный», что придает, в частности, данному конкретному призыву несколько более воинственный оттенок.

латься свободным объединением равных государств, подобно Лиге Наций. Напротив, это было бы вынужденное объединение наций, неравных по определению, в котором только Япония могла занять лидирующую позицию как единственная страна, свободная от европейского колониального влияния [1, р. 11]. При этом Камикава одобрял и поддерживал систему мандатов, существовавшую в Лиге Наций, поскольку, по его мнению, она полностью отражала реальное положение дел в международной политике, и крупные державы вполне справедливо располагали большей властью и влиянием [1, р. 11–12].

В качестве некоей базовой идеологии, которая позволила бы регулировать отношения между членами «ВАЛ», Камикава предлагал солидаризм. Данное политическое течение зародилось во Франции в конце XIX в. и было фактически переходным вариантом между либерализмом и социализмом; в определенном смысле именно принципы солидаризма лежали в основе Лиги Наций. Однако, по словам Камикава, «истинный солидаризм» (в противовес европейской его трактовке) был особенно характерен для восточных народов и японцев в частности [1, р. 14–15].

Необходимость создания «Восточно-Азиатской Лиги» Камикава обосновывал тем, что, в случае, если подобная организация не будет создана, Азии будет крайне сложно занять достойное место на международной политической арене в силу экономической слабости и несамостоятельности отдельных стран региона, однако сам же признавал, что культурная, религиозная и политическая раздробленность, а также хаос в социальной сфере сводят шансы создания подобного объединения практически на нет [1, р. 15–16].

После начала военных действий в Китае в 1937 г. Камикава сместил акцент в своих работах на идею «доктрины Монро для Азии» и в дальнейших своих рассуждениях, касавшихся уже «Великой Восточно-Азиатской Сферы Сопроцветания» («ВВАСС»), а не «ВАЛ», опирался именно на нее [1, р. 17]. Необходимость же регионального объединения он оправдывал тем, что отдельно взятое государство не может достичь экономической самостоятельности, будучи заперто в рамки собственной территории [1, р. 18].

«Общество изучения Сёва» просуществовало до ноября 1940 г., когда прекратило свою деятельность в связи с национальной мобилизацией и влилось в созданную Коноэ «Ассоциацию поддержки императорской власти» (大政翼賛会, «Тайсэй Ёкусанкай») [12, р. 621]. Незадолго до этого концепция «ВВАСС» была принята в качестве «основы всей внешнеполитической программы» нового кабинета министров¹² [13, р. 194]. Фактически «Общество» прекратило свое существование, как только сформулированная им идея начала воплощаться в жизнь.

Деятельность «Общества изучения Сёва» совпала с тем периодом, когда в силу внешнеполитических реалий идеалистические теории начали утрачивать влияние. По мнению Харуна, в Японии переход от идеализма к реализму произошел в тот момент, когда молодая японская политология не смогла пережить столкновения с агрессивной политикой государства, и представления о возможности гармоничного сосуществования уступили место изучению властных отношений [1, р. 8]. Очевидно, справедливо будет предположить, что, несмотря на внимание, уделявшееся экономическому аспек-

¹² Одно из первых официальных упоминаний термина «сопроцветание» имело место 29 июня 1940 г. в выступлении министра иностранных дел Арита Хатино; 1 августа новый министр иностранных дел Мацуока Ёсукэ официально объявил о том, что создание «ВВАСС» стало основой новой внешнеполитической программы.

ту, выдвигавшиеся принципы построения «сферы сопроцветания» можно в целом охарактеризовать как подчеркнуто идеалистические («общая судьба» региона, культурное единство, отказ от индивидуализма и т. п.). Однако концепция эта создавалась в первую очередь для правительства, которое, взяв на вооружение прагматическую основу идеи, отбросило весь идеализм и приступило к ее воплощению при помощи грубой военной силы. Таким образом, на деле построение «ВВАСС» шло далеко не теми методами и не на тех принципах, которые декларировались членами «ОИС»; в итоге идея «сферы» в том виде, в котором ее интерпретировали военные и крупные промышленные концерны, дзайбацу, потерпела крах.

Литература

1. *Naruna N.* On the Retreat of Idealism: From the League of Nations to the “Greater East Asia Co-Prosperty Sphere” Plan. 14 p. Ljubljana, 2008. URL: http://www.wiscnetwork.org/ljubljana2008/papers/WISC_2008-418.doc (дата обращения: 12.03.11).
2. *Сигрейв С., Сигрейв П.* Династия Ямато. М.: АСТ, ЛЮКС, 2005. 495 с.
3. *Флетчер М.* マイルズ・フレッチャー. Тисикидзин то фасидзуму: Коноэ синтайсэй то Сёва кэнкю:кай 知識人とファシズム: 近衛新体制と昭和研究会. Интеллектуалы и фашизм: «новый порядок» Коноэ и общество изучения Сёва. Токио 東京: Касива сёбо: 柏書房, 2011. 362 с.
4. Нихон бо:эки синко: кико: (Джетро) 日本貿易振興機構 (ジェトロ). Японская ассоциация содействия торговле. Адзиа кэйдзай кэнкю:сё アジア経済研究所. Отдел исследования экономики стран Азии. Киси корэкусэн 岸幸一コレクション. Коллекция Киси. Нампо: канкэй гунсэй кайгун сирё: 南方関係軍政海軍資料. Материалы, касающиеся действий армии и флота на южных направлениях. [Электронный архив]. URL: http://d-arch.ide.go.jp/kishi_collection/c1.html (дата обращения: 20.03.12).
5. *Молодяков В. Э.* Геостратегические проекты принца Коноэ. [Электронный ресурс] // Белый мир: электрон. период. изд. [Б. м.], 2000. URL: <http://www.whiteworld.ru/rubriki/000102/002/01010507.htm> (дата обращения: 27.01.2010).
6. *Тюрин С. П.* Guild socialism (Опыт построения новой социальной теории в Англии) // Современные записки. Париж, 1920. Кн. I. С. 235–240.
7. *Камино Томоя* 上野友也. Рояма Масамити-но То:а кё:до:тай рон — гайё: то хё:ка 蠟山政道の東亜協同体論—概要と評価. Идея Восточно-Азиатской ассоциации Рояма Масамити — основные принципы и оценка. 8 с. [Электронный ресурс]. Уэгахара, 2008. URL: <http://www2.odn.ne.jp/kamino/NewFiles/Royama.pdf> (дата обращения: 19.05.12).
8. *Yusa M.* Philosophy and Inflation. Miki Kiyoshi in Weimar Germany, 1922–1924 // Monumenta Nipponica. Sophia, 1998. Vol. 53, N 1. P. 45–71.
9. *Мики Киёси* 三木清. Мики Киёси дзэнсю: 三木清全集. Полное собрание сочинений Мики Киёси. Т. 8. Токио 東京: Иванами сётэн 岩波書店, 1966–1968. 513 с.
10. *Kamino T.* The Twenty Years’ Crisis, 1919–1939. An Introduction of the Study of International Relations in Japan. 17 p. [Электронный ресурс]. Кобэ, 2008. URL: <http://www2.odn.ne.jp/kamino/NewFiles/ISAPaper2008%28Kamino%29rev.pdf> (дата обращения: 16.04.2010).
11. *Kawata T., Ninomiya S.* The Development of the Study of Foreign Relations in Japan // Developing Economies. San Francisco, 1964. Vol. 2, N 2. P. 190–204.
12. *De Bary W. T.* Sources of East Asian Tradition: The modern period. Vol. 2. New York: Columbia University Press, 2008. 1152 p.
13. *Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б.* История Японии. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007. 528 с.

Статья поступила в редакцию 10 января 2013 г.